

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Ливонская война при Іоаннѣ Грозномъ ¹⁾.

Характеристика Іоанна Грознаго и его политическіе виды.—Стремленіе его, при посредствѣ моря, сблизиться съ Европою. — Состояніе Ливоніи и виды на нее Московскаго царя.—Вступленіе русскихъ войскъ въ Ливонію въ 1558 г.—Осада Нарвы и Дерпта. — Значенія этого событія. — Льготы, дарованныя жителямъ. — Осада Мариенбурга.—Эрмесское сраженіе и его послѣдствія.—Выпательство Германіи.—Отношенія Россіи къ Швеціи и Польшѣ и война съ ними.—Занятіе Полоцка русскими войсками.—Осада Ревеля.—Стефанъ Баторій.—Осада имъ Пскова въ 1580 г.—Ямъ-Запольскій договоръ Россіи съ Польшою.

Пользуясь только что выпедшими въ свѣтъ историческими изслѣдованіями, сообщаемъ въ предлагаемомъ ниже очеркѣ какъ характеристику Іоанна Грознаго, такъ и новое освѣщеніе фактовъ Ливонской войны 1558—1582 годовъ.

Послѣ неудачной войны съ Москвою въ 1537 году Швеція принуждена была заключить 60-ти-лѣтній миръ и установить между обоими государствами новую границу. Не желая уступать своихъ восточныхъ владѣній, Густавъ Ваза оттягивалъ вопросъ о границахъ и тѣмъ вызвалъ продолжительные споры съ Іоанномъ IV.

Густавъ опасался своего восточнаго сосѣда, и въ 1548 году просилъ епископа рижскаго внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Россію не пропускали иностранныхъ мастеровъ, знающихъ

¹⁾ «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Г. В. Форстена. Два тома. С.-Петербургъ, 1893 г.; «Борьба за Балтійское побережье въ XVI вѣкѣ», «Историческій Вѣстникъ» 1894 г., № 4; «Балтійская Финляндія и финляндская Балтика». Г. Абова. «Русскій Архивъ» 1894 г., № 4.

артилерійское и вообще военное дѣло. Неприязненные поступки Густава относительно Россіи вызвали новую войну, окончившуюся мирнымъ договоромъ 1557 года. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе два пункта: о свободѣ торговли между Россіей и Швеціей и о свободномъ пропускѣ черезъ Швецію русскихъ пословъ, въ какое бы государство они не отправлялись. Эти два пункта указываютъ, какъ широко понималъ московскій царь интересы Россіи въ сближеніи съ западомъ Европы.

«Іоаннъ Грозный, говоритъ Г. В. Форстенъ¹⁾, одинъ изъ тѣхъ высокозамѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, исторія которыхъ далеко еще не выяснена. О немъ существуютъ столь различныя мнѣнія, что разобраться въ нихъ не легко. Тенденція, къ сожалѣнію, проникаетъ иногда и въ исторіографію, оставляя на ней темныя, нежелательныя пятна».

Иностранные историки относятся къ Грозному болѣе снисходительно, чѣмъ мы. Они называютъ его умнымъ политикомъ, величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ, какого Россія когда либо имѣла. Французскій историкъ De-Fleaux называетъ Іоанна человѣкомъ въ высшей степени замѣчательнымъ. «Среди всѣхъ своихъ слабостей, говоритъ онъ, среди ужасныхъ порывовъ страсти, московскій царь всегда останется человѣкомъ, высоко стоявшимъ надъ своими современниками: какъ вѣрны были его взгляды, какъ удивительна его послѣдовательность, его безстрашная отвага! Все это черты, которыя должны были сдѣлать его величайшимъ законодателемъ, величайшимъ организаторомъ государства, замѣчательнымъ завоевателемъ, подобнаго которому Россія не знала до нашихъ дней; но обстоятельства не дали ему выполнить своей широкой задачи, онъ долженъ былъ явиться столѣтіемъ позже. Грозный — настоящій основатель Русской Имперіи. Петръ Великій только продолжалъ начатое Грознымъ великое дѣло».

Историкъ Меркель видитъ въ Іоаннѣ человѣка, любившаго искусства и науки, покровителя торговлѣ, создателя русскаго постоянного войска и достойнаго предшественника Петра I. «Вспышки и промахи темперамента, говоритъ историкъ, не могутъ умалить высокаго значенія великихъ историческихъ дѣятелей, подобныхъ Іоанну».

Изъ всѣхъ государей, добивавшихся господства на Балтійскомъ морѣ, съ цѣлью сближенія съ Западною Европою, Грозный обнаружилъ наибольшую политическую проницательность. Все его цар-

¹⁾ «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ», т. I, стр. 40.

ствованіе представляетъ родъ усилій къ систематическому заимствованію на западѣ различныхъ техническихъ усовершенствованій и введеніе ихъ въ Россію. Съ этою цѣлью онъ завязываетъ торговля сношенія съ Англіею и разъясняетъ свои отношенія къ Ливонскому ордену. Въ 1547 году, воспользовавшись пребываніемъ въ Москвѣ гольшарца Ганса Шлите, царь отправилъ его въ Европу и поручилъ ему набрать тамъ опытныхъ мастеровъ и техниковъ, свѣдущихъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ людей, врачей и т. п. Шлите успѣлъ набрать 123 человѣка, но, прибывъ съ ними въ Любекъ, былъ задержанъ и посаженъ въ тюрьму, а спутники его разбѣжались. Причиною тому была просьба ливонскихъ городовъ не пропускать въ Россію цивилизаторовъ. Ревельскій рать рисовалъ страшную картину бѣдствій для всей Ливоніи и вообще нѣмецкой націи, если только русскіе познакомятся съ военнымъ искусствомъ запада. Такого же мнѣнія было и польское правительство. Отправленные имъ послы въ Римъ и Вѣну говорили тамъ, что въ настоящее время русскіе совершенно не подготовлены къ морскому дѣлу, но если московиты научатся ему и сдѣлаются обладателями моря, то это послужитъ къ великому вреду для всѣхъ народовъ: на морѣ они будутъ болѣе грозны, чѣмъ на сушѣ.

Неудачная посылка Шлите только усилила энергію Іоанна и привела его къ войнѣ съ доживавшимъ послѣдніе годы Ливонскимъ орденомъ. Предпринимая ее, Грозный заключилъ союзъ сначала съ Швеціей, а потомъ и съ Даніей, понимая всю необходимость сближенія со скандинавскими государствами. Передъ началомъ войны съ Россіею внутреннее состояніе Ливонскаго ордена представляло самую печальную картину разложенія. Къ этому присоединялись еще голодъ и болѣзни.

«Господствовавшій классъ въ Ливоніи былъ пришлымъ, говоритъ Г. В. Форстенъ; его тенденціи были чисто германскія, такъ что чувства патриотизма у лифляндскихъ князей мы искать не должны. Начиная съ магистра ордена и архіепископа рижскаго и кончая послѣднимъ представителемъ дворянства, всѣ думали только о расширеніи собственной власти. Всякія обязанности, съ которыми связана была общая польза страны, давили, какъ невыносимая тяжесть, матеріальныя средства орденскихъ рыцарей. Объ единодушномъ сопротивленіи восточному врагу не могло быть и рѣчи: отсутствовала идея общаго блага, общей пользы, не доставало сплоченности интересовъ и нуждъ, не было сознанія своего единства, своего самостоятельнаго существованія, своей независимости; у ордена

не было того внутреннего чувства жизненности, безъ котораго самыя прекрасныя учрежденія бесполезны и немощны; ордену недоставало патріотическаго чувства долга — жертвовать всѣмъ ради спасенія отечества, и голосъ благороднаго Тиле, бургомистра Дерпта, оставался голосомъ вопіющаго въ пустынь».

Первая попытка мобилизаціи оказалась совершенно неудачной, уронила Ливонію въ глазахъ сосѣднихъ державъ и подорвала самоувѣренность самихъ ливонцевъ. Въ орденѣ угасла военная дисциплина, чувство племеннаго единства, а внутренніе раздоры и борьба партій довершили остальное. «Пока, говоритъ современный любекскій хроникеръ, двѣ собаки грызлись изъ-за кости, пришла третья (русскіе) и завладѣла ею».

Ливонцы жили праздно, весело и, полагаясь на защиту Германской имперіи, не замѣчали, что противъ нихъ скопляется гроза на Востокѣ. Тамъ объединенная Москва, покоривъ восточныя татарскія ханства, раскинула свои границы до Урала. Во главѣ Московскаго царства стоялъ, какъ выражается г. Форстенъ, «*варваръ-штантъ*», который не довольствовался торговлею съ англичанами при посредствѣ Бѣлаго моря и желалъ во что бы то ни стало пробиться къ морю Балтійскому. Отсюда онъ могъ «совершенно свободно, безъ чужой помощи, добиться сношеній съ западною Европой, въ которой, онъ зналъ, кроется многое, чего недостаетъ его государству. Грозный стремился къ морю не по страсти къ терриоріальному разширенію, а убѣжденный въ необходимости имѣть прямыя, непосредственныя сношенія съ Европой».

Пользуясь безсиліемъ Ливонскаго ордена, Іоаннъ Грозный предъявилъ ему небывалыя требованія: быть данникомъ Москвы, какъ это было въ старыхъ договорахъ, выплачивать съ души по одной нѣмецкой маркѣ и уплатить единовременно 50,000 марокъ. Такое требованіе какъ громъ поразило орденъ и ливонцы тотчасъ же отправили пословъ въ Москву. Не добившись никакого результата, послы вернулись обратно съ заявленіемъ, что поводомъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ Грозный выставялъ разрушеніе ливонцами русскихъ церквей, стѣсненіе торговли, помощь Польшѣ и Литвѣ противъ Россіи и непропускъ въ Россію иностранцевъ.

Въ январѣ 1558 года русскія войска около Нейгаузена вступили въ предѣлы Ливоніи, подъ начальствомъ Шахъ-Али и Глинскаго. Въ короткое время они опустошили сѣверную и сѣверо-восточную Ливонію: сожгли до 4,000 дворовъ, сель и помѣстій. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни русскіе разграбили окрестности Маріенбурга, Нарвы,

Везенберга и Нейшлосса. Ливонія оказалась совершенно неподготовленною къ войнѣ съ грознымъ врагомъ: войска не были собраны, не было запасовъ ни провіанта, ни пороха. Многіе города предпочитали заключить миръ съ Москвою на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы не продолжать войну. «Если уже такой смѣлый государь, говорили ливонцы, какъ Густавъ шведскій, не могъ одолѣть москвитя, то ордену никакъ не слѣдуетъ отваживаться на войну. Никогда ливонцы прежде не одерживали побѣды надъ русскими, теперь это еще труднѣе, такъ какъ русскіе сдѣлались гораздо могущественнѣе. Не лучше ли, говорили дерптскіе послы, заключить миръ съ Москвою, пока страна еще не разорена, пока еще есть возможность удовлетворить денежнымъ требованіямъ русскихъ».

Рѣшено было собрать 60,000 марокъ, но къ маю успѣли собрать только 30,000, съ которыми и отправили въ Москву депутатовъ; въ это время нарвцы нарушили перемиріе, заключенное съ русскими, и Іоаннъ приказалъ возобновить осаду Нарвы. Подступивъ къ городу, русскія войска построили три укрѣпленія, и въ теченіе девяти дней бомбардировали городъ. Послѣ двухнедѣльнаго промежутка бомбардированіе было возобновлено и особенно сильно было 7-го и 8-го апрѣля—въ четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ. Положеніе гарнизона и жителей становилось затруднительнымъ: съѣстные припасы истощались, жалованье войскамъ платить было нечѣмъ. Бургомистръ Нарвы приказалъ вмѣсто жалованья выдать товары на 8,000 марокъ. Противъ этого возстали всѣ купцы; не получавшее жалованья войско стало расходиться, а русскіе все тѣснѣе и тѣснѣе замыкали осадное кольцо.

Осажденные не могли воспользоваться подвозомъ провіанта изъ Ревеля и, въ виду безвыходности своего положенія, рѣшились заключить перемиріе на четыре мѣсяца. Грозный обратился тогда къ жителямъ съ предложеніемъ отдаться подъ его руку и общалъ имъ предоставить широкія торговыя привилегіи и сохранить ихъ религію. Между тѣмъ, 20-го апрѣля подошли къ Нарвѣ подкрѣпленія, состоявшія изъ 500 человекъ конницы, и легкомысленные жители, нарушивъ перемиріе, открыли огонь по Ивангороду. Русскіе отвѣчали усиленнымъ бомбардированіемъ, и 11-го мая Нарва во многихъ мѣстахъ загорѣлась. Никто не тушилъ пожара, а всѣ таскали свои пожитки въ замокъ, гдѣ надѣялись найти спасеніе. Русскія войска перешли черезъ рѣку, бросали черезъ стѣну «огненные ядра» (бомбы) и готовились къ штурму.

«Военачальникъ русскихъ, пишетъ Г. В. Форстенъ, Павелъ Петровичъ Заболоцкій, человекъ очень расположенный къ нѣмцамъ и противъ воли воевавшій съ ними, обратился къ кнехтамъ съ предложеніемъ добровольно сдать крѣпость, обѣщалъ имъ свободный выходъ и разрѣшилъ вынести съ собою столько, сколько въ силахъ cadaго. На первый разъ кнехты гордо отвергли предложеніе московскаго военачальника, сказавши, что отдають только груши, да яблоки, а не княжескіе дома. Но на второе предложеніе Заболоцкаго послѣдовалъ уже утвердительный отвѣтъ и кнехты сдали ему крѣпость».

12-го мая Нарва пала; въ ней найдена богатая добыча, множество товаровъ и нѣкоторые запасы пороха и оружія. Пожаръ былъ потушенъ и укрѣпленія восстановлены. Иоаннъ Грозный былъ въ восторгѣ: онъ сталъ твердою ногою у моря, приобрѣлъ гавань, откуда могъ прямо сносятся съ Европою. «Сосѣди Ливоніи и Москвы покачивали головою; не всѣмъ желательно было утвержденіе москвиты на Балтійскомъ морѣ. Еще во время осады Нарвы шведскіе агенты писали Густаву Вазѣ, что московскому царю вовсе недорого дань ливонцевъ: онъ ухватился за нее только для вида. Нарва и Дерить — вотъ конечная цѣль его ливонской политики. Шведы не ошиблись. Грозному нужно было море; онъ теперь имѣлъ его. Великое значеніе его для Россіи сознавалъ одинъ только царь, цѣлою головою возвышавшійся надъ своими современниками политическою смѣтливостію и дальновидностію. Во все свое царствованіе онъ съ особенною заботливостію относился къ Нарвѣ — любимому дѣтищу своему, холилъ его, награждалъ привилегіями и льготами. Майское приобретеніе явилось высокознаменательнымъ моментомъ въ исторіи сѣверо-восточной Европы».

Подъ владычествомъ русскаго царя Нарва стала быстро возрастать: городъ расширялся, стѣны и ворота были укрѣплены и черезъ Нарову наведенъ былъ мостъ для сообщенія съ замкомъ. Пограничнымъ крестьянамъ были доставлены зерна для посѣва хлѣба, лошади и быки; жителямъ Нарвы предоставлено было право безпошлинной торговли по всей Россіи и самый городъ объявленъ свободнымъ отъ военнаго постоа.

Побѣды, одержанныя русскими войсками, придали бодрости Иоанну настолько, что онъ рѣшился продолжать начатое великое дѣло. Въ первыхъ числахъ іюня русскія войска овладѣли Этцомъ, 7-го іюня — Нейшлоссомъ и 15-го числа осадили Нейгаузъ, считавшійся ключемъ Дерита и главною крѣпостію всей деритской епн-

скопія. Начальникъ городской милиціи, Георгъ Икскуль, обратился съ просьбою о помощи къ рыцарямъ, къ Ганзейскимъ городамъ, Густаву Вазѣ, Иоанну Финляндскому и къ нѣмецкимъ князьямъ, но ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія. 30-го іюня Нейгаузъ сдался; русскія войска двинулись къ Дериту и 8-го іюля подошли къ нему. 11-го числа началась постройка укрѣпленій вокругъ города и осажденные защищались съ большимъ мужествомъ. Населеніе жертвовало имуществомъ и своими близкими для защиты города, но вскорѣ и здѣсь возникли раздоры. Послѣдствіемъ ихъ было то, что изъ Дерита сначала бѣжали канцлеръ города, его совѣтники и многіе дворяне; затѣмъ купцы стали увозить свои товары въ Ревель, а среди оставшагося населенія возникалъ вопросъ: не лучше-ли сдать? Русскія войска открыли усиленное бомбардированіе и въ ночь съ 14-го на 15-е іюля заложили у Андреевскихъ воротъ мину изъ шести бочекъ пороха. Не получавшимъ ни откуда помощи гарнизону и жителямъ не оставалось ничего болѣе, какъ отдаться на волю побѣдителя, и 18-го іюля Дерить палъ.

«Поведеніе побѣдителей русскихъ въ Дерить, говоритъ Г. В. Форстенъ, единственный примѣръ въ исторіи XVI столѣтія; всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ о необыкновенной гуманности Петра Ивановича Шуйскаго, дѣйствовавшаго, разумѣется, по волѣ и приказанію своего государя. Всѣ современныя донесенія говорятъ о болшемъ расположеніи туземцевъ къ побѣдителямъ — русскимъ, нежели къ нѣмцамъ. Царь обѣщалъ деритцамъ самыя широкія привилегіи, далъ имъ право избирать себѣ своихъ бюргеровъ чиновниковъ, право свободной торговли, обезпечилъ за жителями ихъ имущество, разрѣшилъ желающимъ свободный выходъ изъ города со всѣмъ имуществомъ, далъ амнистію за все прошлое, даже по отношенію къ особѣ царя. Дѣйствительно, при выступленіи изъ города жителей и кнехтовъ, со стороны русскихъ соблюдалась необыкновенная дисциплина; кто отнималъ ружье у кнехта — подвергался казни и ружье возвращалось по принадлежности».

Съ паденіемъ Дерита русскіе утвердились во всей восточной Ливоніи; границей нашихъ завоеваній были: на сѣверѣ — Финскій заливъ, на западѣ — Чудское озеро, на востокѣ — рѣка Пала и на югѣ — линія укрѣпленій: Киремпэ, Нейгаузъ и далѣе до Валька. Въ августѣ русскіе овладѣли Везенбергомъ и Лапсомъ и половина Ливоніи была въ нашихъ рукахъ. Осенью побѣдители возвратились въ свои предѣлы и большая часть начальниковъ уѣхала въ Москву. Пользуясь этимъ, Кетлеръ собралъ 7,000 кнехтовъ, 10,000 крестьянъ

и 2,000 конницы, съ которыми и рѣшился перейти въ наступленіе, для освобожденія отъ русскихъ дерптскаго епископства. 30-го октября ливонцы заняли Ринчекъ, гдѣ было всего 2,000 русскихъ. Дальнѣйшее движеніе Кетлера къ Дерпту было остановлено его болѣзною и всѣ рыцари и наемныя войска разошлись по домамъ.

Въ январѣ 1559 года русскія войска, подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго, вступили въ Ливонію со стороны Маріенбурга и южнѣ, у Краснаго городка; отдѣльный отрядъ изъ Дерпта пошелъ на Венденъ и Эрмесь. Дойдя до Двины и опустошивъ все на пути, русскіе черезъ девять дней возвратились назадъ. Въ февралѣ новыя силы вторгнулись въ Ливонію, направляясь на Ригу. Нѣмцы были разбиты сначала у Тирвена, а затѣмъ у Шванебурга. Дойдя до самой Риги, русскія войска переправились черезъ Двину, сожгли рижскіе корабли у Динамонде и опустошили оба берега рѣки. Паника охватила все населеніе; форштадтъ города Риги былъ выжженъ, городскія укрѣпленія были въ неудовлетворительномъ видѣ и не представляли достаточной защиты; военныя силы ливонцевъ были разбѣяны по разнымъ городамъ и не могли оказать достаточнаго сопротивленія неприятелю, а, между тѣмъ, получаемыя извѣстія изъ Москвы указывали, что русскіе готовятся къ новому, болѣе серьезному, походу въ Ливонію. Это заставило нѣмцевъ торопиться освобожденіемъ Дерпта, гдѣ начальствовалъ Андрей Ростовскій, имѣвшій въ своемъ распоряженіи незначительный гарнизонъ. «Къ счастью для русскихъ, между нѣмцами подъ Дерптомъ возникли обычныя несогласія: магистръ хотѣлъ перенести войну въ предѣлы самой Россіи, Христофоръ же Мекленбургскій и ливонскіе дворяне не одобряли этого плана и настаивали на томъ, чтобы сначала покорить Дерптъ». Къ русскимъ подошла помощь въ 1,000 человекъ и нѣмцы принуждены были отступить; точно такую же неудачу они испытали и подъ Лансою. Къ зимѣ, какъ и всегда, военныя дѣйствія прекратились.

Въ январѣ 1560 года наши войска перешли границу у Пскова и въ февралѣ, въ числѣ 2,000 человекъ, приступили къ осадѣ Маріенбурга. Выгодное географическое положеніе этого города и превосходныя укрѣпленія дѣлали Маріенбургъ однимъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ въ Ливоніи. Кетлеръ всѣми силами старался поддержать бодрость и энергію ливонцевъ, обѣцалъ имъ скорое содѣйствіе Польши, но труды его были напрасны. Магистръ ордена и архіепископъ по прежнему спорили, не оказывали ника-

кой помощи осажденному городу, и 14-го февраля Маріенбургъ сдался.

Событіе это сильно взволновало сосѣднихъ государей, но дѣятельность ихъ не проявилась ничѣмъ. На просьбу ливонцевъ о помощи они отвѣчали отказомъ, и русскіе, никѣмъ не тревожимые, опустошали страну. Весь июнь и июль наши войска двигались то съ востока на западъ, то съ юга на сѣверъ, то обратно. Они раззорили всю Гаррію и въ началѣ іюня появились въ виду Ревеля. Эти быстрыя движенія, сопровождавшіяся грабежомъ, уведомъ скота, пожарами и проч., страшно вредили жителямъ. Они просили о помощи, но въ это время борьба партій, разъединенность и своекорыстіе достигли въ Ливоніи до крайнихъ предѣловъ.

«Въ началѣ августа Кетлеръ рѣшился, наконецъ, сразиться съ русскими. Онъ расположился лагеремъ въ двухъ миляхъ отъ Эрмеса. 2-го августа произошла кровопролитная Эрмесская битва. Нѣмцы были на-голову разбиты; лучшія силы ордена попались въ плѣнъ. Погибло до 261 рыцаря; частью они пали, частью были уведены въ плѣнъ. Послѣ такого пораженія ливонцы не отваживались на открытый бой съ русскими и заключились въ своихъ крѣпостяхъ».

Послѣ одержанной побѣды русскіе, подъ начальствомъ Курбскаго, двинулись къ Феллину—прекрасной крѣпости, защищенной самою природою. Расположенный на значительной высотѣ, Феллинь былъ съ юга и востока закрытъ Феллинскимъ озеромъ, съ запада и сѣвера защищенъ глубокими рвами; весь городъ былъ обнесенъ двойною стѣною. Окруживъ городъ и построивъ нѣсколько укрѣпленій, русскіе, въ теченіе пяти дней и ночей, бомбардировали Феллинь. Въ городѣ произошло нѣсколько пожаровъ и почти всѣ зданія его выгорѣли; окрестности были опустошены, запасы истощились, помощи ждать было неоткуда и осажденные принуждены были вступить въ переговоры о сдачѣ города. Послѣ третьяго штурма русскихъ кнехты рѣшительно отказались защищаться, и городъ былъ сданъ. Въ нашихъ рукахъ оказалась лучшая крѣпость Ливоніи и одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ ея. Феодоръ Мстиславскій торопился сообщить радостную вѣсть царю и восторгу его не было предѣловъ.

«1560 годъ былъ особенно тяжелъ для Ливоніи; сосѣдніе государи вмѣсто помощи выжидали только наиболѣе удобнаго момента, чтобы присвоить себѣ часть беззащитной области. Они слѣдили не за успѣхами русскихъ, а за дипломатіей своихъ соперниковъ, искавшихъ власти надъ восточно-балтійскимъ побережьемъ. Въ обѣща-

нїяхъ не было недостатка; не говоря уже о Польшѣ, Швеціи и Даніи, отдаленные нѣмецкіе князья, какъ епископы мюнстерскій и брауншвейгскій, сулили ордену скорую помощь. Въ самой Ливоніи не было яснаго сознанія ея критическаго положенія; о единствѣ дѣйствій не могло быть и рѣчи, всѣ искали помощи извнѣ: одни ожидали ее отъ Польши, другіе—отъ скандинавскихъ государей. Города ливонскіе вели дѣлю дипломатическую борьбу съ Любекомъ и Данцигомъ. Фердинандъ I своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ въ ливонско-балтійскія дѣла только содѣйствовалъ еще болѣе запутанности ихъ».

Въ Европѣ были убѣждены, что Филиппъ II вызвалъ вторженіе русскихъ въ Ливонію и поддерживалъ ихъ, съ цѣлью парализовать морскія силы Швеціи и Даніи, и доставить Испаніи и Англїи господство на Балтійскомъ морѣ. Такое желаніе было несогласно съ интересами Германской имперіи, и Фердинандъ I обратился съ письмомъ къ Иоанну Грозному, убѣждая его оставить свое незаконное предпріятіе. Грозный отвѣчалъ, что не остановитъ войны до тѣхъ поръ, пока не подчинитъ себѣ всей Ливоніи, и прибавлялъ, что всѣ бѣдствія ливонцевъ произошли отъ того, что они отпали отъ католицизма и перешли въ лютеранство. Въ доказательство же правильности политическаго поведенія Россіи Иоаннъ просилъ императора прислать въ Москву одного изъ своихъ довѣренныхъ, которому царь и докажетъ свои права на Ливонію.

Получивъ такой отвѣтъ, Фердинандъ обратился тогда къ королямъ Даніи и Швеціи съ просьбою имѣть состраданіе къ несчастнымъ ливонцамъ. Онъ указывалъ, что если русскому царю удастся сдѣлаться господиномъ Балтійскаго моря, то Данія и Швеція будутъ также грозить опасностью; что царь не удовлетворится одною Ливоніею, а будетъ распространять свои владѣнія на западъ, завоюетъ прусскія земли и дойдетъ до Даніи. Несмотря на эти угрозы, ни Данія, ни Швеція не дали никакого категорическаго отвѣта и высказали только желаніе, чтобы миръ на востокъ былъ заключенъ какъ можно скорѣе.

«Вмѣстѣ съ императоромъ, говоритъ Г. В. Форстенъ, и большинство князей сознавали необходимость помочь ливонцамъ и вывести ихъ изъ критическаго положенія. Въ одномъ италіанскомъ донесеніи мы читаемъ: польскій король, курфюрстъ саксонскій и прибалтійскіе нѣмецкіе города рѣшили обратиться къ московскому царю съ просьбою оставить Ливонію. Царь отвѣчалъ имъ, что готовъ исполнить это, если ливонцы возвратятъ ему издавна при-

надлежавшія московскимъ царямъ земли и дадутъ обѣщанія не строить болѣе крѣпостей на границахъ. Ни король, ни курфюрстъ, ни города не могли принять такихъ условій и рѣшились готовиться къ войнѣ съ царемъ не изъ расположенія къ ливонцамъ—*ихъ всѣ ненавидѣли за ихъ трусость*—а изъ желанія не допустить царя утвердиться въ орденскихъ земляхъ и задержать его дальнѣйшіе успѣхи. Города болѣе другихъ опасались чрезмѣрнаго желанія царя утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, съ чѣмъ связана была ихъ совершенная погибель. Итакъ, нѣмецкіе князья и города также съ нѣкоторымъ страхомъ озирались на успѣхи московскаго оружія, но ливонцевъ всѣ они ненавидѣли».

Со всѣхъ сторонъ стекались въ Германію извѣстія, что русскій царь имѣетъ многихъ лицъ среди ливонцевъ, ему сочувствующихъ, что онъ имѣетъ прекрасныхъ шпионовъ, что Любекъ доставляетъ ему воинствъ, оружіе, порохъ, дробь, селитру, сѣру и проч. военные припасы, а затѣмъ провіантъ, сельди и соль. Сообщали, что московскій царь строитъ флотъ; покупая и захватывая въ Нарвѣ торговые суда любчанъ, онъ обращаетъ ихъ въ военные и передаетъ управленіе ими испанцамъ, англичанамъ и даже нѣмцамъ. Представителя Германіи собирались на разные рейхстаги, крейстаги и депутаціонстаги, обсуждали положеніе Ливоніи, говорили цвѣтистыя рѣчи, описывали московскую тиранію, увѣряли, что находящіеся въ московскихъ войскахъ татары употребляютъ въ пищу маленькихъ дѣтей, но дальше разговоры дѣло не подвигалось. Наконецъ, 11-го октября 1560 года открылся въ Шнейерѣ депутаціонстагъ, который коснулся двухъ вопросовъ: посольства въ Москву и денежной помощи ливонцамъ. На посольство всѣ, кромѣ Генриха брауншвейгскаго, согласились, назначили пословъ, ихъ свиту и даже число лошадей. Постановили, что кромѣ 100,000 флориновъ, назначенныхъ для отправления ливонцамъ, собрать еще 400,000, хотя бы для того потребовались экстренные налоги. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраншіеся постановили запретить всѣмъ городамъ и княжествамъ торговать съ Россіею и водворить внутренній порядокъ въ орденѣ. Но какъ только коснулось до дѣла, то ни одинъ изъ постановленныхъ пунктовъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Пфальцъ и Майнцъ не пожелали принять участія въ сборѣ денегъ, города не желали пожертвовать своими торговыми интересами. Пользуясь общою разладницей, Швеція утвердилась въ Эстляндіи, Данія—на Эзелѣ и Польша—въ Ливоніи. Вся дипломатія Германской имперіи была похожа на дѣтскую игру. Несмотря на то, на 22-е іюня

1561 года былъ назначенъ крейстагъ въ Ютербокѣ. Всѣ собравшіеся признали, что событія въ Ливоніи касаются всей Германіи и что московскій царь опасенъ всему верхне-саксонскому округу. Въ инструкціи, данной Августомъ саксонскимъ своимъ депутатамъ, между прочимъ, говорилось:

«Всѣмъ собравшимся должно быть извѣстно, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Ливоніи и какъ неотступно ливонцы, стѣсненные москвитянами, молятъ о помощи; на аугсбургскомъ и шпейерскомъ рейхстагахъ поднимался вопросъ о денежной помощи ливонцамъ въ размѣрѣ 200,000 гульденовъ и о посольствѣ въ Москву. Съ тѣхъ поръ не прошло и двухъ лѣтъ, а московскій царь не только не оставилъ своихъ намѣреній захватить Ливонію, но съ большими, чѣмъ раньше, усиліями приводитъ въ исполненіе свой планъ и близокъ уже къ покоренію всей провинціи».

По мнѣнію Августа, только единство дѣйствій можетъ дать хорошій оборотъ дѣлу. Верхне-саксонскій округъ не можетъ одинъ принять на себя всю тяжесть помощи ливонцамъ, потому что къ нему отнесется враждебно польскій король, который теперь взялъ на себя войну съ Москвою. Если между Германіею и Польшею возникнутъ какія-либо недоразумѣнія, то московскій царь не преминетъ ими воспользоваться. Августъ напоминалъ, что до сихъ поръ ни одно сословіе не сдѣлало ничего для сбора денегъ, и совѣтовалъ обратиться къ императору, чтобы онъ побудилъ сдѣлать соотвѣтствующіе взносы.

Послѣ горячихъ преній и споровъ собраніе въ Ютербокѣ постановило: 1) внести свою часть въ сумму, назначенную въ помощь ливонцамъ, но съ тѣмъ, чтобы и остальные округа внесли ее; 2) чтобы императоръ отправилъ посольство въ Москву и сдѣлалъ попытку склонить царя къ миру, и 3) чтобы тотъ же императоръ въ защиту Ливоніи поднялъ Польшу и Швецію противъ Россіи.

Фердинандъ I нашелъ, что посольство не приведетъ къ желаемой цѣли и призналъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ только и могъ запретить торговыя сношенія съ Москвою. Издавая объ этомъ указъ, императоръ обратился съ просьбою къ сосѣднимъ державамъ, ради общей пользы, отказаться временно отъ торговли съ Россіею. При этомъ императоръ обращалъ вниманіе сосѣднихъ государей на то, что рано или поздно, имъ самимъ придется считаться съ московскимъ царемъ, если, въ виду собственной безопасности, они не прекратятъ сношеній съ Россіею. Многіе города возстали противъ распоряженій императора.

Любекскій рать писалъ, что его напрасно обвиняютъ въ поддержкѣ московитовъ; что сношенія Любека съ Россіею вовсе не такъ обширны, какъ сношенія англичанъ, поляковъ, шведовъ, датчанъ, голандцевъ, фрисландцевъ и батавовъ. «Всѣ они, писали любекцы, изъ Риги по западной Двинѣ и черезъ Литву доходятъ до внутреннихъ областей Россіи и доставляютъ русскимъ рѣшительно все нужное имъ въ военное время. Если Любекъ и другіе ганзейскіе города временно даже и согласятся приостановить свои торговыя сношенія съ русскими, то дѣла нисколько не измѣнятся; всю торговлю захватятъ иностранцы, нѣмецкіе же города обѣднѣютъ, такъ какъ исключительно держатся русскою торговлей: она ихъ главный жизненный доходъ».

Нѣмецкіе князья сочувствовали Любеку и настаивали, чтобы императоръ отмѣнилъ свой указъ. Князья не интересовались судьбою Ливоніи и дѣло о помощи ливонцамъ не двигалось впередъ. Германія не оказывала никакой помощи, ганзейскіе города и Данія также, одна только Швеція заняла Ревель и явилась фактическимъ дѣятелемъ.

Война Швеціи съ Россіею показала Густаву, насколько опасенъ былъ московскій царь. Заключивъ въ мартѣ 1557 года миръ, Густавъ избѣгалъ всякихъ столкновеній съ Грознымъ и относительно Россіи держался самой осторожной политики. Но Швеція не могла быть равнодушнымъ зрителемъ паденія слабой Ливоніи и водворенія на ея мѣстѣ сильной Россіи. Шведское правительство зорко слѣдило за ходомъ военныхъ дѣйствій, но активнаго участія принять не рѣшалось. Сыновья Густава смотрѣли на это дѣло иначе и въ особенности Іоаннъ герцогъ финляндскій. «Этотъ слабый государь, ставившій интересы своего герцогства выше интересовъ Швеціи, еще при жизни Густава сталъ преслѣдовать свою особую политику по отношенію къ ордену».

Увлекаемый честолюбивыми замыслами, 27-ми-лѣтній юноша еще въ первый годъ войны вошелъ въ сношеніе съ магистромъ ливонскаго ордена и, за уступку Финляндіи нѣсколькихъ городовъ, обѣщавъ ссудить ливонцевъ 200,000 талерами. Хотя Іоаннъ и общался о своихъ сношеніяхъ съ орденомъ отцу, но Густавъ совѣтовалъ ему быть очень осторожнымъ и говорилъ, что для Швеціи всего выгоднѣе скрѣпленіе союза съ Россіею. Когда Іоаннъ обѣщавъ магистру денежную помощь, Густавъ указывалъ сыну, что такимъ поведеніемъ онъ подастъ Россіи поводъ отнести враждебно къ Швеціи, чего всего болѣе слѣдуетъ опасаться.

Къ ливонцамъ старый король не имѣлъ никакого довѣрія. Ливонцы, говорилъ онъ, «денежными займами у Швеціи добиваются случая возбудить Россію противъ Швеціи же и надѣются отклонить войну отъ себя. Къ тому же давать ливонцамъ въ займы деньги равносильно нарушенію договора съ Россіей, а нарушивши этотъ договоръ, скрѣпленный и крестнымъ цѣлованіемъ, мы уподобились бы мухѣ, которая прямо палетаеъ на огонь и обжигаетъ себя крыльями».

Руководимый такимъ мнѣніемъ, Густавъ Ваза приказалъ сыну строго слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ Финляндіи не доставлялось никакой помощи ливонцамъ ни деньгами, ни провіантомъ. Съ кончиною Густава и со вступленіемъ на престолъ старшаго его сына Эрика XIV, дѣла нѣсколько измѣнились. При помощи переговоровъ и отправленныхъ войскъ, ревелская крѣпость, 4-го іюня 1561 года, сдалась шведамъ. Ревель сталъ шведскимъ городомъ и тѣмъ положено было основаніе господству Швеціи на Балтійскомъ морѣ, давшему Швеціи первенствующее положеніе въ сѣверной Европѣ.

«Взятіе Ревеля шведами, говоритъ Г. В. Форстенъ, произвело значительный переворотъ въ ходѣ Ливонской войны; теперь сношенія ганзейскихъ и другихъ торговцевъ съ Нарвою стали еще затруднительнѣе; возникаетъ соперничество между Ревелемъ и Нарвою, и взаимныя отношенія сѣверныхъ державъ такъ переплелись что и датчане, и ганзейцы, въ концѣ концовъ, стали служить русскимъ интересамъ».

«Вѣсть о паденіи Ревеля произвела удручающее впечатлѣніе на императора и имперскихъ князей; всѣ ждали, что имперская опала постигнетъ непокорный городъ. Польскій король, узнавъ о томъ, что Ревель попалъ въ руки шведовъ, рѣшился въ первую минуту отомстить городу; внослѣдствіи король успокоился и даже былъ доволенъ, что у московскаго царя новый врагъ, въ лицѣ владѣтеля Эстляндіи».

Главнѣйшею цѣлью политики польскаго короля Сигизмунда II Августа было также утвержденіе въ Ливоніи и на восточномъ берегу Балтійскаго моря и отраженіе отъ этого моря русскихъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы вооружить противъ московскаго царя всю западную Европу и вѣсть о появленіи англичанъ на Бѣломъ морѣ крайне испугала Сигизмунда.

— Мы до сихъ поръ, говорилъ онъ, побѣждали московскаго царя только потому, что ему неизвѣстно было военное искусство, дипломатическія уловки и приемы, употребляемые въ Европѣ.

Польскій король ничего такъ не опасался, какъ знакомства Россіи съ западной Европой, сближенія ея съ германскою имперіей и съ морскими государствами. Въ рѣшеніи Іоанна Грознаго воевать съ Ливонією Сигизмундъ видѣлъ вызовъ себѣ, и потому сталъ хлопотать объ образованіи своей партіи въ ливонскомъ ордентѣ. Попытки короля въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ, главнѣйшимъ образомъ, потому, что онъ не рѣшался оказать ливонцамъ фактической помощи противъ московскаго царя. Занятый лишь празднествами, пирами и маскарадами, Сигизмундъ мало интересовался событіями въ Ливоніи. Магистръ ордена, архіепископъ и командоръ гостили у короля въ Вильнѣ, гдѣ, по словамъ данцигскихъ пословъ, «имъ оказывается самое широкое гостепрѣимство; торжествамъ нѣтъ конца, всѣ пьянствуютъ. Ливонцы проиши все свое счастье, и нѣтъ имъ болѣе спасенія».

Польскій король былъ въ полной зависимости отъ шляхты и потому ожидалъ, пока орденъ, приведенный въ полное безсиліе, обратится къ нему за помощью и онъ въ состояніи будетъ предписать имъ свои условія. Но шведы предупредили всѣ замыслы Сигизмунда и заняли Ревель. На сѣверѣ орденскихъ владѣній утверждалась новая держава, предъявившая Европѣ начало своей обширной программы балтійскаго господства и преобладанія на сѣверо-востокѣ Европы.

Опасаясь, чтобы Швеція не расширила своихъ владѣній въ Ливоніи, польскій король потребовалъ себѣ полнаго подчиненія ордена и приказалъ Николаю Радзивилу двинуться съ войсками въ Ливонію. Радзивиль явился въ Ригу и потребовалъ, чтобы ливонцы приняли въ свои крѣпости польскіе гарнизоны, подчинились королю и секуляризовали орденскія земли. «Сигизмундъ требовалъ, чтобы и Рига признала себя подчиненною ему; онъ изъявилъ притязанія на всѣ земли по правую сторону Двины—защитить ихъ, сказалъ онъ, возможно только при условіи совершеннаго ихъ подчиненія—затѣмъ и всѣ крѣпости по лѣвую сторону Двины; новые вассалы должны были поклясться королю въ вѣрноподданничествѣ, какъ если бы дѣлали это частнымъ образомъ (privatim) своимъ князьямъ».

Рига, однако же, упорствовала и, не желая измѣнять свои отношенія къ германскому императору, заявила, что только съ согласія послѣдняго готова подчиниться польскому королю. Послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ, сопровождаемыхъ угрозою взять городъ открытою силою, Рига, 17-го марта 1562 года, подчинилась Польшѣ.

«Сигизмундъ II Августъ добился своего: Ливонія лежала у его ногъ; онъ готовился сдѣлать Польшу морскою державою. Рѣдко кто нибудь добивался такихъ большихъ территоріальныхъ приобрѣтеній съ такою незначительною долею пожертвованій. Теперь Ливонія распалась между четырьмя сѣверо-восточными державами; у каждой изъ нихъ были свои гавани: у русскихъ—Нарва, у шведовъ—Ревель, у Польши—Рига, у Магнуса—Аренсбургъ и Перновъ. На долю же священной германской имперіи выпала жалкая роль посредника, все уступающаго и сохраняющаго только для вида свой авторитетъ.

«1561 годомъ завершился первый періодъ борьбы изъ-за Ливоніи. Орденъ распался; вмѣсто магистровъ, командоровъ и фохтовъ, вмѣсто прелатовъ, капитуловъ и домгерровъ, Ливонія получила двухъ королей и двухъ герцоговъ. Теперь на очереди сталъ вопросъ, какое изъ государствъ, утвердившихся въ ней, станетъ господствующимъ; оставаться въ мирѣ они не могли, каждый стремился расширить свою добычу; отсюда новая борьба четырехъ ливонскихъ владѣтелей. Эта борьба распалась на двѣ. Швеція столкнулась съ Даніей, Польша—съ Россіей.

«Ливонскій орденъ, просуществовавшій болѣе трехъ съ половиною столѣтій и такъ успѣшно распространявшій нѣмецкую культуру среди автохтоновъ нашего Остзейскаго края, исчезъ съ карты Европы, усталый, изношенный и лишенный живаго духа».

Въ своемъ паденіи ливонцы обвиняли сосѣднія государства, но не признавали, что главнѣйшею причиною тому было существовавшее въ орденѣ раздоры и внутреннее неустройство. Распавшаяся Ливонія стала яблокомъ раздора для сѣверныхъ государствъ, боровшихся изъ-за права господства на Балтійскомъ морѣ. Ливонія сдѣлалась богатою невѣстою, «около которой всѣ пляшутъ», говорилось въ одномъ современномъ донесеніи.

Пляска эта вызвала ливонско-балтійскую борьбу, которая съ 1564 года распадается на шведско-датскую войну и на польско-русскую, главнымъ театромъ которой служила Ливонія. Приготовляясь къ военнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга, Швеція и Данія, каждая отдѣльно, искали союза съ Иоанномъ Грознымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Данія сблизилась съ Польшею, для Швеціи Москва была единственнымъ противовѣсомъ противъ союзниковъ. Эрикъ XIV держался осторожной политики и подчинился своевольному и странному капризу Грознаго—сноситься не съ царемъ, а съ его новгородскимъ намѣстникомъ; король готовилъ торжественный приемъ

царскимъ посламъ и старался указать на всю важность союза Россіи съ Швеціею. Такія же точно стремленія были и у Фридриха II датскаго.

«Иоаннъ Грозный удивительно умно и тактично относился къ искательствамъ скандинавскихъ государей; онъ не вѣрилъ ни одному слову ихъ, много самъ давалъ имъ обѣщаній, но очень мало сдерживалъ; онъ желалъ извлечь изъ навязываемой ему дружбы какъ можно болѣе выгодъ себѣ. Оба короля-соперника были для него желательными союзниками. Швецію онъ надѣялся направить противъ Польши, а съ Даніей важно было поддерживать дружескія отношенія, потому что у нея былъ ключъ къ Нарвѣ—Зундъ и Бельты».

Въ августѣ 1561 года былъ заключенъ договоръ Россіи съ Швеціею на 20 лѣтъ, считая съ 25-го марта 1562 года. По этому договору положено было выдать бѣглыхъ, установить взаимную свободную торговлю; въ случаѣ войны Россіи съ Польшею, Швеція не должна оказывать помощи ни той, ни другой державѣ, и для установленія границъ съѣхаться въ Соболино или Вуоксъ, причемъ руководствоваться договоромъ 1323 года.

Полное согласіе продолжалось, однако же, недолго и въ концѣ 1562 года отношенія между этими державами стали принимать враждебный характеръ. Иоаннъ Грозный жаловался, что шведы вторгаются въ русскіе предѣлы, грабятъ и уводятъ въ плѣнъ жителей. Въ началѣ января 1563 года Эрикъ отправилъ въ Москву посольство, которому поручилъ предложить Грозному посредничество Швеціи въ примиреніи его съ Ливоніею, и добиться признанія за Швеціею всѣхъ ея завоеваній въ Ливоніи какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. Посольство не имѣло успѣха: Иоаннъ согласился оставить за Швеціей только три города: Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ и требовалъ, чтобы Швеція не дѣлала вторженія въ Данію, пока спорный между ними вопросъ не будетъ достаточно выясненъ. Такое требованіе основывалось на договорѣ, заключенномъ Россіею съ Даніею и подписанномъ въ Можайскѣ 7-го августа 1562 года. Оба государства согласились дѣйствовать противъ Швеціи и Польши; царь призналъ за Даніей право надъ Эстляндіей, Эзелемъ и Пальтеномъ; Фридрихъ II предоставилъ право русскимъ купцамъ строить свои дворы на Готландѣ и въ Копенгагенѣ, а царь Иоаннъ разрешилъ датчанамъ имѣть дворы въ Новгородѣ и Ивангородѣ.

Сохраняя до времени дружескія отношенія съ обоими скандинавскими государствами, Грозный мало интересовался національною ихъ враждою и сумѣлъ сохранить полный нейтралитетъ и

всѣ выгоды для торговли своихъ подданныхъ. «Задабривая одного, пересылаясь посольствомъ съ другимъ, онъ (царь) имѣлъ въ виду единственно только собственныя выгоды, удачно продолжалъ войну съ Польшей, соглашаясь примириться съ послѣдней только съ условіемъ уступки ему всей Ливоніи».

Еще въ началѣ 1562 года говорили о намѣреніи Іоанна Грознаго приступить къ осадѣ Риги или Ревеля, съ тѣмъ, чтобы окончательно утвердиться на восточномъ побережьи Балтійскаго моря. Въ дѣйствительности годъ прошелъ безъ крупныхъ событій и только въ началѣ 1563 года русскія войска приступили къ осадѣ Полоцка. Осада продолжалась около трехъ недѣль и первые приступы были отбиты. Тогда русскіе подвели подъ городскія стѣны подкопы и часть ихъ была взорвана. Осажденнымъ предложено было сдаться и дано два дня для обсужденія этого требованія. Поляки воспользовались этимъ временемъ и возстановили разрушенную стѣну и тогда русскіе послали, по свѣдѣніямъ иностранныхъ источниковъ, 40,000 татаръ для опустошенія окрестностей Полоцка. Послѣдній седьмой штурмъ рѣшилъ участь города, и Полоцкъ былъ взятъ 15-го февраля 1563 года.

«Жители, въ числѣ которыхъ были и взятые въ плѣнъ литовскій воевода и католическій епископъ, были отправлены въ Москву, городъ предали разграбленію, католическія церкви разрушили, монаховъ избили, евреевъ потопили въ Двинѣ. Защитники же Полоцка, 500 человекъ, были отпущены на свободу и щедро одарены московскимъ царемъ. Іоаннъ Грозный высоко цѣнилъ свое новое приобрѣтеніе, открывавшее ему богатые источники для торговли. Его подданнымъ стало доступно движеніе по Западной Двинѣ, въ его власти находился городъ, черезъ который проходила вся торговля юго-западной Руси и Польши. Онъ велѣлъ тремъ своимъ воеводамъ, Шуйскому и двумъ Оболенскимъ, укрѣпить городъ и удалить изъ него всѣхъ ненадежныхъ и подозрительныхъ. Въ Москву царь совершилъ свой вѣздъ съ такимъ же триумфомъ, какъ послѣ Казанскаго похода: на встрѣчу вышло духовенство, привѣтствовавшее его со взятіемъ еретическаго города. Въ ихъ глазахъ знаменательный фактъ 15-го февраля явился побѣдою православія надъ западною ересью, политическое же значеніе его ускользнуло отъ ихъ вниманія».

Потеря Полоцка сильно подѣйствовала на Сигизмунда II, и онъ искалъ случая примириться съ царемъ, чтобы выиграть время и успѣть заключить союзъ съ Даніею и Швеціею, для совокупныхъ

дѣйствій противъ Россіи. Примиренія не послѣдовало, главнымъ образомъ, потому, что Россія требовала уступки ей Вольни, Подолія и Галиціи, всей Ливоніи и Полоцка. Поляки не согласились и война вспыхнула съ прежнею силой.

Вторгнувшись въ Ливонію въ 1564 году, русскіе потерпѣли два пораженія: при Улѣ (26-го января) и при Оршѣ (17-го февраля). Послѣ второй неудачи, русскія войска отступили къ Смоленску и въ теченіе всей второй половины года держались въ оборонительномъ положеніи. Іоаннъ Грозный сталъ думать о союзѣ съ скандинавскими государствами, но желаніе его долгое время не осуществлялось. Послѣдующіе годы военныя дѣйствія не отличались особою энергіею и все дѣло ограничивалось опустошеніемъ окрестной мѣстности, лежавшей въ районѣ расположенія войскъ.

Въ 1567 году возникли между Россіею и Польшею новые переговоры о мирѣ. Русскіе послы требовали уступки Вильны, Ковны и нѣкоторыхъ городовъ Литвы и Самогитіи. Взамѣнъ этого Россія готова была уступить Полоцкъ и другіе города, покоренные ею въ Лифляндіи, но съ условіемъ, чтобы по смерти короля и они отошли къ Москвѣ. Польскій король затягивалъ переговоры и искалъ союза съ прусскимъ герцогомъ, а въ это время шведскій король отправилъ посольство къ Іоанну Грозному, съ цѣлью добиться права безпрепятственно продолжать военныя дѣйствія противъ Польши.

«Шведскіе послы должны были въ самыхъ унижительныхъ и раболѣпныхъ выраженіяхъ благодарить царя за честь, оказанную имъ королю, что выразилось въ допущеніи шведскихъ пословъ къ личнымъ переговорамъ съ царемъ, и сказать царю, что король выше цѣнитъ дружбу съ нимъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ христіанскимъ государемъ».

16-го февраля былъ заключенъ договоръ или дружескій союзъ, по которому оба государя обязались имѣть общихъ враговъ и общихъ друзей. Шведскій король обѣщалъ выдать Іоанну Екатерину, жену брата своего Іоанна, и сестру польскаго короля Сигизмунда II Августа, и доставить ее на русскую границу въ Нотебургъ. Отъ приданнаго Екатерины и отъ ея владѣній въ Финляндіи царь отказывается и жалуетъ шведскаго короля своими ливонскими владѣніями: Ревелемъ, Перновомъ, Вейсенштейномъ, Коркусомъ, Гельмедомъ, Гапсалемъ, Лоде и другими городами. «Шведскіе и московскіе послы должны сойтись въ Ливонію, чтобы тамъ установить точныя границы королевскихъ и царскихъ владѣній; если случится, что королевскія владѣнія входятъ гдѣ нибудь во владѣнія царскія или на

оборотъ, то рѣшено было ими обмѣняться; уполномоченнымъ обоимъ государей слѣдуетъ постараться провести границы по рѣкамъ и озерамъ. Шведскому королю разрѣшалось впредь непосредственно сноситься съ московскимъ царемъ, штатгалтеры же его — съ новгородскими намѣстниками и боярами въ Стокгольмѣ или Ревелѣ. На границахъ рѣшено было имѣть постоянно двухъ уполномоченныхъ и съ шведской, и съ московской стороны, чтобы на случай какихъ-либо столкновений или недоразумѣній немедленно дать удовлетвореніе; подданнымъ того и другаго государства возвращалось наносить другъ другу обиды или причинять убытки. Русскимъ и шведамъ разрѣшалось свободно проѣзжать изъ одного города Ливоніи въ другой, а также безпрепятственно вести торговлю. Рѣшено было затѣмъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ шведовъ.

«Самые любопытные пункты были слѣдующіе: ни Швеція, ни Россія не могутъ, не предупредивши другъ друга, ни съ кѣмъ заключать отдѣльно мира; шведскій король обязывался не стѣснять датскихъ, любекскихъ и друг. купцовъ, пріѣзжающихъ въ Нарву съ мѣдью, оловомъ, свинцомъ, содою и другими предметами, за что московскій царь выразилъ готовность склонить къ миру со Швеціей и датскаго короля и Любекъ».

Открывая шведскимъ купцамъ всѣ пути къ свободной торговлѣ въ Россіи, Иоаннъ Грозный требовалъ для иностранцевъ свободнаго въѣзда и выѣзда изъ Россіи. Относительно Ливоніи рѣшено было, что оба государя остаются при своихъ владѣніяхъ, обязываются не захватывать другъ у друга земель, но и не препятствовать одинъ другому дѣлать новыя завоеванія въ Курляндіи или Польшѣ. Всѣ пункты договора обязательны только тогда, когда Екатерина будетъ выдана одному изъ царскихъ бояръ, и, въ случаѣ ея смерти, договоръ также теряетъ свою силу.

«Изъ одного уже бѣлаго знакомства съ февральскимъ трактатомъ, говоритъ Г. В. Форстенъ, видно, что онъ обозначаетъ собою рѣшительный триумфъ московской дипломатіи надъ шведской. Царь Иоаннъ не уступилъ ни одному требованію шведовъ и заставилъ пословъ искусными переговорами дать на все свое согласіе. Въ этомъ трактатѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо сказался государственный умъ и политическое чутье Иоанна. Какъ обстоятельно остановился онъ на вопросѣ о свободныхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ Западною Европою, какъ ясно сознавалъ онъ необходимость тѣснаго союза съ однимъ изъ европейскихъ государей, какъ осторожно шелъ онъ на уступки, могущія уронить достоинство Россіи и вредно ото-

зваться на политической или коммерціальной самостоятельности ея? Съ этимъ февральскимъ трактатомъ, если бы только онъ въ дѣйствительности былъ выполненъ, обозначился бы новый поворотный пунктъ въ политическомъ и территоріальномъ развитіи Россіи. Чего недоставало ей? Техническихъ, военныхъ и морскихъ усовершенствованій Западной Европы, а февральскій трактатъ уничтожалъ всѣ преграды къ ознакомленію, сближенію и родству Россіи съ Европой. Ни Польшѣ, ни Курляндіи, ни даже Даніи не устоять бы было противъ шведско-московской коалиціи».

18-го мая 1567 года русское посольство прибыло въ Упсалу, съ цѣлью добиться подтвержденія договора и скрѣпленія его брачнымъ союзомъ сына русскаго царя съ сестрою короля шведскаго. Въ приданое за принцессой царь просилъ уступки ему Ревеля и, чтобы скорѣе добиться желаемого, отправилъ къ финляндскимъ границамъ значительное войско. Шведскій король Эрикъ XIV не могъ не видѣть, что точное выполненіе заключенныхъ условій договора равнялось подчиненному положенію Швеціи Москвѣ и потому долгое время затягивалъ ратификацію, а въ сентябрѣ рѣшительно отказался утвердить договоръ. Вскорѣ послѣ того онъ самъ былъ сверженъ и на шведскій престолъ вступилъ братъ его Иоаннъ III. Борьба за Балтійское побережье получила новое направленіе, невыгодное для Россіи. Новый шведскій король былъ родственникомъ короля польскаго — отсюда ихъ совокупное дѣйствіе противъ Россіи. 24-го ноября былъ заключенъ миръ Даніи со Швеціей, а черезъ четыре дня и миръ Любека со Швеціей. Все это соединилось противъ Иоанна Грознаго, но, несмотря на то, періодъ времени съ 1571 по 1577 годъ отличался самыми опустошительными набѣгами русскихъ; побѣды доставались безъ особеннаго труда. «Польша дѣйствовала вяло, въ виду переворотовъ внутри; прусскіе города возстали противъ нея; но вотъ на престолѣ утверждается Баторій — начинается послѣдній періодъ 25-ти-лѣтней борьбы. Россію тѣснятъ два лучшіе полководца вѣка — Баторій и Делагарди, и обезсиленный гигантъ, передъ которымъ Европа трепетала въ продолженіе трехъ десятилѣтій, складываетъ оружіе, съ тяжелымъ чувствомъ расстаётся со своими завоеваніями, а въ особенности съ Нарвою, и черезъ два года сходитъ въ могилу».

Съ вмѣшательствомъ Баторія въ Ливонскую войну счастье стало измѣнять Иоанну Грозному: ему пришлось одновременно сражаться на два фронта, противъ шведовъ и противъ поляковъ. Въ 1572 году царь со своими сыновьями и во главѣ значительнаго

войска вторгнулся въ Ливонію со стороны Нарвы. Опустошивъ окрестности Пернова и Ревеля, русскіе 1-го января 1573 года взяли Вейсенштейнъ приступомъ послѣ шестидневнаго сопротивленія. Отсюда царь съ частью своего войска удалился въ Новгородъ, а другая часть, раздѣлившись на два отряда, направилась на Каркусъ и на Викенъ. Каркусъ скоро былъ взятъ, окрестности около Гапсала, Лоде, Леала и Нейгауза были опустошены, но взять эти города русскіе не могли и возвратились въ свои границы. Весь 1574 годъ прошелъ въ небольшихъ стычкахъ и грабежахъ. Въ январѣ 1575 года до 12,000 русскихъ явились у Ревеля, но послѣ стычки отступили и занялись разореніемъ окрестностей; въ іюнѣ они подошли къ Пернову въ числѣ до 30,000 съ 78-ю пушками и девятью мортирами. 28-го числа началось бомбардированіе Пернова; стѣны, башни и дома города много страдали отъ непріятельскаго огня и городъ загорался во многихъ мѣстахъ. По полученіи извѣстія, что къ русскимъ идетъ новая помощь, перновцы сдались. Имъ обѣщанъ свободный выходъ изъ города въ теченіе нѣсколькихъ дней, а тѣмъ, которые перейдутъ на службу царя, обѣщаны большія милости. «Когда 4,000 русскихъ вошли въ городъ, жители его собрались на городской площади и, по выраженію современника, какъ стадо овецъ ждали покорно своей судьбы. Русскіе и на этотъ разъ сдержали свое обѣщаніе, и всѣ пожелавшіе могли выдти изъ города».

Послѣ Пернова обращалъ на себя большое вниманіе Ревель, положеніе котораго было въ то время крайне затруднительно. Ни пороха, ни денегъ, ни войскъ въ немъ не было, а оставшіяся команды въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не получали жалованья. Ревельцы просили помощи у Данцига, говоря, что съ паденіемъ Ревеля русскіе будутъ господами всего Балтійскаго моря. Съ паденіемъ Пернова, русскіе приблизились еще болѣе къ морю и почти вся Эстляндія была въ нашихъ рукахъ. Очень понятно, что теперь все вниманіе Грознаго было обращено на Ревель, который одинъ держался среди покоренной области. Занятіе Ревеля дѣйствительно обезпечивало бы за Россіей то, къ чему такъ стремился «ей знаменитый первый царь», т. е. она сдѣлалась бы Балтійской державой.

Въ теченіе 1576 года русскія войска три раза подходили къ Ревелю. Окрестности его были совершенно опустошены, много народа отведено въ плѣнъ. Стычки съ ревельцами часто оканчивались удачно для послѣднихъ. Особенно успѣшно дѣйствовали крестьянскіе отряды, организованные по мысли губернатора. Ревель получалъ одно за другимъ воззванія покориться русскому царю, кото-

рый сохранить городу всѣ его привилегіи. Ревельцы просили помощи у короля шведскаго, но тотъ отвѣчалъ, что и такъ много израсходоваль на защиту его. Они обращались съ просьбою о помощи къ сосѣдямъ, но не получили ее, а между тѣмъ Іоаннъ Грозный, воспользовавшись столкновеніемъ Баторія съ Данцигомъ, приступилъ къ осадѣ Ревеля. Въ январѣ русскія войска, въ числѣ 50,000 человекъ, подошли къ городу и 24-го числа произошло первое столкновеніе съ непріятелемъ, сдѣлавшемъ вылазку. 27-го русскіе штурмовали городъ, но были отбиты, и тогда они заложили батареи на горѣ Теннисбергѣ. 28-го января было открыто первое бомбардированіе, продолжавшееся шесть недѣль.

Во главѣ шведскихъ войскъ въ Ревелѣ стоялъ старый и опытный воинъ Генрихъ Горнъ. Днемъ и ночью видѣли его на городскихъ стѣнахъ распоряжающагося вылазками, починкою укрѣпленій и проч. «Пожары, возникавшіе въ городѣ отъ бомбардировки, старательно тушили посредствомъ мокрыхъ бычачьихъ шкуръ, которыми каждый домовладѣлецъ долженъ былъ быть снабженъ; зажигательные снаряды тушили замерзшимъ навозомъ, котораго также имѣлись большіе запасы. Полы на чердакахъ и въ домахъ приказано было насыпать толстымъ слоемъ песку и мелкаго камня; все легко воспламеняемое, какъ: сѣно, солома, деревянные вещи, слѣдовало выносить изъ домовъ. Горнъ снарядилъ 400 человекъ для тушенія зажигательныхъ снарядовъ; за каждый поднятый на улицѣ снарядъ назначено было награжденіе въ 2 марки, а за каждый снарядъ, найденный на крышахъ домовъ, 5 марокъ. Доставившій военачальнику бомбу получалъ 3 марки. Поощряемые наградами, эти 400 человекъ быстро и ловко тушили снаряды. Горнъ писалъ Акесону Тотту, что крыши домовъ въ Ревелѣ были такъ испорчены, точно ихъ изгрызли крысы. Въ Ревелѣ царил образцовая дисциплина; въ шесть часовъ закрывались всѣ пивныя лавки и шинки, чѣмъ устранялись буйства и безпорядки».

Пробить въ какомъ-либо мѣстѣ стѣны-брешь нашимъ батареямъ не удавалось; заложить мины также. 13-го февраля море очистилось отъ льда и ревельцамъ явилась возможность получить помощь отъ Швеции. 18-го февраля осаждающіе предложили вступить въ переговоры, но ревельцы отказались и бомбардированіе города возобновилось. Ревельцы производили усиленные вылазки настолько успѣшныя, что съ 10-го марта русскія войска стали снимать осаду, 13-го числа сожгли свой лагерь и отступили.

Лѣтомъ 1577 года начальники русскихъ войскъ пытались утвер-

даться на Двинѣ, покорили многіе замки, города, и угрожали городу Ригѣ; 11-го августа они овладѣли Динабургомъ, а затѣмъ Крейцбургомъ, Шванебургомъ, Берсономъ и другими. 31-го августа Грозный былъ уже у стѣнъ Вендена и послѣ упорной защиты гарнизона овладѣлъ городомъ. Весь сентябрскій походъ русскихъ состоялъ изъ ряда побѣдъ и успѣховъ, но не успѣли они оставить Ливонію, какъ поляки заняли Динабургъ и нѣкоторые другіе города. Зимой возвращенъ былъ и Венденъ. Застигнутый тамъ врагъ плохъ гарнизонъ нашъ мужественно защищался: «дома обращали въ крѣпости, черепки съ крышъ служили имъ оружіемъ, но, несмотря на всю свою отвагу, они должны были уступить хорошо вооруженному врагу».

Неудачны были и дѣйствія русскихъ противъ шведовъ, производившихъ страшныя опустошенія около Пернова. Нападеніямъ шведовъ подверглись Гапсаль, Леаль и Лоде. Гапсаль шведы заперли и съ суши, и съ моря, и городъ принужденъ былъ сдаться. Набѣги шведовъ простирались до самаго Новгорода; 4-го іюня они появились у Дерпта и выжгли его предмѣстье. Въ началѣ 1579 года шведы съ двухъ сторонъ вторглись въ наши предѣлы: со стороны Финляндіи они напали на Новгородскую область и со стороны Нарвы двигались къ югу. Въ августѣ Баторій предпринялъ свой походъ на Полоцкъ, и съ этихъ поръ счастье измѣнило Іоанну Грозному.

«Польша точно ожила, говоритъ Г. В. Форстенъ, съ тѣхъ поръ, какъ корона досталась Баторію. Знаменитый полководецъ, производившій коренную реформу въ военномъ строѣ Польши, считалъ внѣшнюю политику своею настоящею сферою. Предоставивъ внутреннія дѣла въ государствѣ Замойскому, онъ понималъ, что участіе во внѣшней политикѣ обусловлено войною. Война—вотъ его призваніе; она сдѣлала его знаменитымъ, она должна была дать ему и то, что онъ полагалъ своей высшей цѣлью—личную славу и славу новому отечеству. Войну онъ признавалъ только наступательную; самъ король всегда былъ впереди другихъ, его мужество увлекало лучшія силы Польши, военные успѣхи обезпечивали за нимъ довѣріе воиновъ; его внѣшняя политика была задумана въ широкихъ размѣрахъ: покорить себѣ весь востокъ Балтійскаго моря, ради чего война съ Москвою должна была быть поставлена на первомъ мѣстѣ; при этомъ война не въ Ливонію, а въ предѣлахъ московскаго государства».

Рѣшившись воевать съ Москвою и желая выиграть время, Баторій вступилъ съ Грознымъ въ переговоры о мирѣ. Отправлен-

нымъ въ Москву посламъ приказано было тянуть переговоры, чтобы дать возможность Баторію подготовиться къ войнѣ. Грозный объявилъ посламъ, что соглашается вести переговоры только относительно Литвы, Ливонію же онъ запретилъ и касаться. Переговоры были прерваны и Баторій сталъ сосредоточивать свои войска. Во второй половинѣ 1579 года, послѣ произведеннаго въ Вильнѣ смотра войскамъ, рѣшено было наступать на Полоцкъ, съ занятіемъ котораго открывался путь въ беззащитную тогда Литву. Дороги были испорчены и поляки медленно подвигались впередъ. 11-го августа началась осада Полоцка и послѣ бомбардированія сожженный городъ принужденъ былъ сдаться. «Съ паденіемъ Полоцка, Двина вся была въ рукахъ Баторія; она являлась надежнымъ операционнымъ базисомъ для дальнѣйшихъ походовъ его. Уже теперь можно было предвидѣть, что звѣзда Іоанна должна закатиться, уступить мѣсто новой, Баторіевой».

Лѣтомъ 1580 года Баторій двинулся къ Великимъ Лукамъ и по дорогѣ осадилъ Велижъ. Несмотря на храбрость и стойкость, русскіе должны были уступить подавляющей силѣ враговъ, и 7-го августа Велижъ былъ взятъ поляками. Отсюда поляки двинулись къ Великимъ-Лукамъ, открывавшимъ путь къ Смоленску и Пскову. Въ Великихъ-Лукахъ считалось тогда до 10,000 жителей, но городъ не имѣлъ укрѣпленій и потому былъ легко занятъ непріателемъ. Отсюда Баторій двинулся къ Пскову, знаменитая осада котораго началась 26-го августа и продолжалась до конца войны. Встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны русскихъ, Баторій не прерывалъ мирныхъ переговоровъ. Осенью къ нему явились послы отъ Іоанна Грознаго съ предложеніемъ уступить Полоцкъ и нѣсколько городовъ въ Ливонію. Баторій требовалъ уступки всей Ливоніи и говорилъ, что иначе не согласится ни на какой миръ. Въ это время положеніе Грознаго было весьма затруднительно: силы его истощены, «самъ онъ преисполненъ какого-то невыразимаго страха»; но, несмотря на то, царь все еще не покидалъ мысли о необходимости для Россіи имѣть сношенія съ Западною Европою и боролся до послѣдней степени. «Не покидала царя и мысль о флотѣ; такъ, въ 1581 году онъ думалъ о наймѣ голандскихъ кораблестроителей; имъ онъ желалъ ввѣрить постройку флота на Бѣломъ морѣ; онъ сталъ панимать и голандскихъ матросовъ. Царь мечталъ о новомъ походѣ на Ревель, его онъ думалъ сдѣлать главнымъ торговымъ центромъ на морѣ, а не Нарву».

Между тѣмъ 20-го августа 1581 года поляки взяли Островъ и ограбили жителей до послѣдней рубашки. Самъ Баторій расположился съ главными силами у Пскова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ каменною стѣною. Построивъ съ трехъ сторонъ укрѣпленія, Баторій съ 6-го сентября открылъ бомбардированіе города. Черезъ два дня послѣдовалъ штурмъ, отбитый съ большимъ урономъ для непріятеля. Эта неудача поляковъ крайне обрадовала Грознаго. тѣмъ болѣе, что въ это же время получено было извѣстіе, что шведы успѣли занять Гапсаль и приступили къ осадѣ нѣмецкой Нарвы. Два дня шведы бомбардировали городъ, но не могли причинить ему особаго вреда. Осада затянулась и только 15-го сентября Нарва пала. Вслѣдъ за тѣмъ шведы заняли Ямъ, Копорье и 24-го ноября Вейсенштейнъ. Къ концу 1581 года весь Финскій заливъ былъ въ рукахъ шведовъ, русскіе были отрѣзаны отъ моря и шведы захватили нѣсколько англійскихъ кораблей, шедшихъ на помощь русскимъ. Въ такомъ, почти безвыходномъ, положеніи Іоаннъ Грозный нашель посредничество въ лицѣ іезуита Антонія Поссевина. Царь зналъ о завѣтномъ желаніи папѣ подчинить себѣ восточную церковь и рѣшился воспользоваться этимъ. Онъ отправилъ въ Италію посломъ Шевригина, который 27-го февраля 1581 года былъ принятъ папою въ торжественной аудіенціи. Грозный просилъ папу Григорія XIII взять на себя посредничество въ примиреніи его съ Польшею. Хотя въ письмѣ царя не было ни слова о соединеніи церквей, но папа рѣшился отправить въ Москву посла, надѣясь, что при словесныхъ переговорахъ, ему удастся склонить Грознаго признать папу главою церкви.

«Выборъ папы палъ на іезуита Поссевина, человѣка опытнаго и ловкаго, фанатическаго приверженца католическаго культа, съ разнообразными знаніями, дипломатическимъ талантомъ, испытанной практичностью, умѣвшій примѣняться ко всякимъ вліяніямъ, не всегда искренній, то снисходительный, то рѣзкій, неутомимый въ трудахъ на пользу Рима, — однимъ словомъ, лучший продуктъ орденна Іисуса Христа. Онъ былъ уже знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на сѣверѣ, такъ какъ дважды ѣздилъ по порученію папы въ Стокгольмъ, для обращенія въ католичество Іоанна Вазы. Обѣ мисіи кончились неудачею. Такая же участь ожидала и третью мисію неутомимаго служителя курии. Поссевина снабдили разнаго рода трудами о Россіи, Герберштейномъ, Джіовіо и другими. Поссевину дали слѣдующія порученія: завязать торговыя сношенія между Ве-

неціей и Москвою, содѣйствовать примиренію Польши и Москвы, создать антиотоманскую лигу и добиться церковной унии, т. е. подчиненія восточной церкви западной».

Побывавъ въ Венеціи и Польшѣ и стараясь склонить ихъ на сторону папы и Россіи, Поссевинъ 18-го августа 1581 года прибылъ въ Старицу, гдѣ въ то время находился Грозный. Спустя два дня состоялась аудіенція, но царь медлилъ отвѣтомъ, что крайне волновало Поссевина, желавшаго скорѣе примирить Россію и Польшу и затѣмъ приступить къ главной цѣли своего посольства — къ соединенію церквей. Царь избѣгалъ религиозныхъ вопросовъ, уступалъ Баторію всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, и упрекалъ своего противника, что онъ желаетъ заключить несправедливый миръ. «Если уступить всю Ливонію, говорилъ царь, то Россіи не будетъ возможности сноситься ни съ папою, ни съ цесаремъ, ни съ какими другими государствами, развѣ только тогда, когда польскій король захочетъ пропустить русскихъ пословъ».

Получивъ такой отвѣтъ, Поссевинъ отправился къ Баторію, въ то время стоявшему лагеремъ подъ Псковомъ. Положеніе поляковъ было далеко не блестящее: осада не подвигалась впередъ и обороною руководили «тысячи героевъ, съ Шуйскимъ во главѣ». 8-го сентября поляки, штурмовавшіе городъ, были отбиты, и положеніе ихъ еще болѣе ухудшилось: наступили холода, въ продовольствіи ощущался недостатокъ, жалованье наемнымъ войскамъ не платилось. При такихъ условіяхъ прибытіе Поссевина было большою радостію и Баторій ожидалъ, что онъ привезетъ ему согласіе царя на миръ. Ожиданія не оправдались; Грозный соглашался уступить только часть Ливоніи, но не всю, какъ требовалъ король польскій. Переговоры были прерваны, но тяжелое положеніе той и другой стороны заставило возобновить ихъ. Царь снарядилъ пословъ въ польскій лагерь и въ концѣ 1581 года, у Запольскаго-Яма, между Порховомъ и Заволочьемъ, начались переговоры, результатомъ которыхъ было заключеніе 15-го января 1582 года десятилѣтняго мира.

«По Ямъ-Запольскому миру Грозный потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливоніи. Энергическая политика и стратегія Баторія обезпечили за Польшею владѣнія Ливоніей и заставили Россію отказаться отъ своихъ плановъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ. Борьба съ Швеціей стоила Грозному и Нарвы...»

«Такъ кончилась полувѣковая борьба изъ-за Ливоніи, изъ-за господства на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря. Россія была еще болѣе отодвинута на востокъ; сношенія съ западною Европою

велись съ этихъ поръ исключительно черезъ Бѣлое море. Вѣка должны были пройти еще раньше, чѣмъ великая задача, выдвинутая знаменитымъ Грознымъ царемъ, могла быть съ честью выполнена. Въ слѣдующемъ актѣ балтійской борьбы Россія уже не принимаетъ активнаго участія. Яблоко раздора — Ливонія — оказалось во власти шведовъ и поляковъ, протестантовъ и католиковъ-иезуитовъ». Россія стала здѣсь твердою ногою лишь въ царствованіе Петра Великаго.

Н. Д.